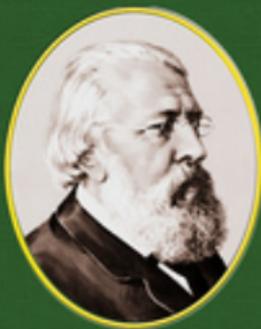

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Записка о ярославских раскольниках

«В дополнение к рапорту моему от 13 июля сего 1849 года, имею честь представить Вашему сиятельству копию с просьбы, которая должна на днях поступить от Романово-Борисоглебского общества к начальнику губернии и при этом изложить обязательства, совершающиеся в настоящую минуту...»

Иван Сергеевич Аксаков
Записка о ярославских
раскольниках

*В собственные руки. Его сиятельству,
господину министру внутренних дел,
графу Льву Алексеевичу Перовскому.
Состоящего при Министерстве кол-
лежского асессора Аксакова.*

РАПОРТ

В дополнение к рапорту моему от 13 июля сего 1849 года, имею честь представить Вашему сиятельству копию с просьбы, которая должна на днях поступить от Романово-Борисоглебского общества к начальнику губернии и при этом изложить обязательства, совершающиеся в настоящую минуту.

Я уже имел честь объяснить в последней записке, что единоверие в Ярославской губернии, по мнению моему, несвоевременно и может только поддержать раскол и отдельность раскольничьего общества, без того уже близкого к соединению с православными, что здешняя единоверческая церковь, по особенным сопровождавшим учреждения ее обстоятельствам, по противодействию архиепископа и духовенства, носит на себе вредный характер вражды и разъединения и не достигает цели, предположенной правительством;

наконец, что эта церковь, распространяя более и более свое влияние и следуя данному ей с самого начала направлению, – приобретет на свою сторону, к общему соблазну всех тех слабых и тайных раскольников, которые, в Ярославской губернии, составляют по крайней мере целую половину всего народонаселения и которые считались до сих пор православными потому, что так скрытен, так неявен был их раскол.

Следовательно – влиянию единоверия необходимо противодействие. Но это противодействие может и должно состоять только в теснейшем сближении с самою православною церковью. Одним из таких противодействий является настоящая просьба, и вот ее происхождение:

Когда в прошлом году, под влиянием разных обстоятельств, романово-борисоглебцы отказались от единоверческой церкви, то протоиерей Николай, бывший в этом случае главным действующим лицом, не переставал внушать им, что после такого поступка им необходимо оправдаться в глазах правительства и теснее сблизиться с православием. В

самом деле, написав отказ лицу, облеченному таким важным, по мнению их, поручением, да еще «действительному статскому советнику» – голова, а за ним и все общество находились в постоянном смущении и опасались, что дерзостью своею навлекли на себя негодование высшего правительства. Я еще застал это смущение: они неоднократно спрашивались, не получено ли из Министерства какого-нибудь разрешения по их делу, и многие обращались ко мне с тем же вопросом, на что я обыкновенно отзывался совершенною неизвестностью. И не только общество, но и самые местные власти недоумевали: в чем состоят настоящие виды правительства; боялись, что оно, может быть, потребует от них усиленного, во чтобы ни стало, покровительства единоверию. Доказательством этому служит отчасти и письмо здешнего преосвященного к Вашему сиятельству, посланное на другой день моего приезда, письмо, в котором он, как рассказывал мне после, еще не успел разговориться со мною, «сторяча» написал, что будет всеми силами содействовать, согласно вашему желанию, распространению единове-

рия.

Он принял смелость объяснить как протоиерею Николаю, так и преосвященному Евгению, что вовсе не в намерениях правительства безразборчивым введением единоверия препятствовать действительному теснейшему сближению раскольников с православною церковью и что водворение единоверия, имеющее в виду упорных закоренелых раскольников, не должно стеснять православных священников в распространении между ними и своего влияния.

Тогда протоиерей, уже при бытности моей в Романове-Борисоглебске, вновь принялся за совершение начатого им дела. Нельзя было надеяться на полное и торжественное присоединение раскольников к православию, но можно было дать расколу связать и опутать себя своими новыми путами, до совершенного ослабления. Как я решительно воспротивился предположенному было вмешательству полиции в обязанности тайных раскольников подписками о соблюдении православных обрядов, — то приступлено было к возбуждению манифестации от самих раскольников,

отказавшихся в прошлом году от единоверия. С своей стороны, в частных беседах с ними, когда разговор доходил до вопросов веры, я нашел им заметить, что почитаю их всех раскольниками, что подавало им повод к моим уверениям в противном и чем не упустил пользоваться протоиерей. Наконец, после личных совещаний моих с начальником губернии, генерал Бутурлин, проезжая чрез Романов-Борисоглебск, видел там важнейших членов городского общества (не раз обращавшихся к нему и прежде с вопросами о ходе прошлогоднего визита) и, воспользовавшись первым представившимся случаем, сказал им, между прочим, слова, смысл которых был следующий:

«Я не знаю, как понимать вас, господа, как отзываться об вас высшему правительству. Вы стараетесь убедить меня, что вы православные, и я вполне этому верю, но должен вам сознаться, что правительство не разделяет моей уверенности и постоянно подозревает вас в расколе. Вы отказались от единоверия, и чиновник, бывший у вас в прошлом году, назвал вас публично злыми и закоренелыми»

ми раскольниками, и по всей губернии ходит об вас такая молва. Что же вы такое в самом деле? Как разуместь вас? Правительство наше вовсе не преследует раскола, а потому объяснитесь: раскольники ли вы, – в противность вашим прежним уверениям, вследствие привязанности к расколу отказавшиеся от единоверия, – или действительно православные?»...

Считаю долгом поручиться Вашему сиятельству, что при этом никаких лишних настояний и угроз не было. Все выражения были заранее взвешены мною с генералом Бутурлиным.

Тогда многие из предстоявших отвечали губернатору, что молва ходит об них напрасная, основанная на том, что было в давно прошедшие времена и что они все будут просить себе через голову явного оправдания.

Губернатор тотчас же уехал, оставшись в городе не более часа, а в обществе пошли толки и рассуждения, под влиянием прежних внушений протоиерея Николая. Обратились к нему, и он посоветовал подать просьбу, которую и дал им. Просьба эта была сочинена им и читана мною заранее. Она заключала в

себе торжественное изъявление желания присоединиться к православной церкви, с откровенным сознанием в тех еще остающихся привычках, которые полагают различие между некоторыми из них и православною церковью, различие, меньшее однако против существующего между последней и единоверием. Но взявши эту просьбу к себе, романово-борисоглебцы, или некоторые из них, изменили, переделали, сократили ее и, наконец, переписали в том виде, в каком она мною и представляется. Они затруднялись тем, что многие так явно и официально назывались и прежде совершенными православными, что для них самое это оправдание и сознание становилось как бы обличением во лжи и, по мнению их, вело их прямо под суд. А потому эти последние (особенно же служащие) решились говорить в просьбе про раскольников в третьем лице, хотя просьба подписана одинаково всеми.

Вот уже около месяца, как составляется ими это прошение и на днях, вероятно, оно будет подано начальнику губернии. Оно писано на его имя потому, что от светской же

власти было им сделано и предложение о единоверии. Я следил внимательно за всем этим делом и могу решительно сказать, что в течение всего этого времени ни полиция (которая даже не знала об этом), да и никто из должностных лиц в него не вмешивались. Они сами понуждали и побуждали друг друга. Я счел долгом удерживать самого протоиерея от всякого сколько-нибудь хлопотливого участия, но собирал толки и рассуждения в обществе по этому случаю: они весьма важны и поучительны.

Многие из них говорили: «Что в самом деле, пора положить конец нашему шатанью (как они выражаются); ведь, правду сказать, и старообрядцы-то мы плохие; лучше уже просто присоединиться к церкви, тогда все эти обманы, и притворства, и опасения кончатся!» Другие, не так легко, как первые, но также сознавались, что рано или поздно, но пришлось бы им уступить и потому, что не всегда же попы будут снисходить к ним и показывать бывшими у исповеди не бывших; и потому, что назвать себя закоренелыми старообрядцами, закоснелыми в невежестве, они

никак не решатся при том мнении, какое всюду об них существует, при своих торговых связях, при той «образованности, которую они уже имеют», – и подписывались; иные чувствовали, что прежнюю робостью и постоянным обманом они так запутались, что и воротиться назад трудно – и также подписывались; но все решительно объясняли себе, что прощением этим, необходимость коего они сами возбудили своим двусмысленным поведением, они полагают на себя новое обязательство, после которого уже невозможно будет им обманывать правительство. Поэтому-то самому несколько лиц положительно отказались от подписи и объявили, что остаются при старообрядчестве; другие же постарались смягчить слог и тон бумаги... И странно было смотреть на все это движение, происходившее без понуждений, без угроз с чьей-либо стороны, но вследствие одной признаваемой ими самими необходимости в разрешении возбужденного вопроса. Вот эта просьба:

Романово-Борисоглебского градского общества Покорнейшее прошение

В прошлом 1848 году предложено было начальством соединиться по вере к церкви единоверческой тем из числа членов нашего общества, которые, по причине уклонения от христианских обязанностей, подозреваются в расколе; но они, за исключением весьма немногих, на это предложение не согласились, не высказав настоящей причины своего несогласия. Такая ничем не оправданная уклончивость их от принятия единоверческой церкви может показаться перед лицом правительства не иным чем, как закоснелостью в расколе, которая как будто удаляет их даже от преддверия церкви православной, — но уже одно предположение подобного о них мнения со стороны правительства душевно огорчает как их, так и всех нас и вынуждает открыться в их верованиях перед особою Вашего Превосходительства, как ближайшего к нам посредника между высшим правительством и нами, дабы подозреваемым в расколе иметь счастье быть оправданными во мнении правительства относительно закоснелости в нем, которое слишком было бы тягостно как для них, так и еще более для целого обще-

ства, коему пришлось бы делить с ними наказание в расколе, при невысказанной причине непринятия ими единоверческой церкви.

Вполне оценивая благие меры заботящегося о всех нас правительства, подозреваемые в расколе не могли согласиться на принятие единоверческой церкви потому, что они давно уже освободились от тех суеверных убеждений, которые существенно отличают законных раскольников от православных, и, по благодати Божией, находятся теперь в церкви православной в отношениях ближайших, чем какие имеет к ней самая единоверческая церковь. Все они, кроме весьма незначительного числа, составляющего исключение нашего общества, приемлют главнейшие таинства христианства – крещение и миропомазание в православной церкви, и с этим так освоились, что для них было бы ново и чуждо принимать их по правилам другой церкви, хотя бы то и единоверческой; все бывают вместе с нами в храмах православных и уже едва ли найдется несколько лиц, которые бы вменили себе в грех, как это было прежде, быть за богослужением в православной церкви, а, на-

ходясь на такой степени сближения с православием, они считают переход к единоверию не иначе, как уже уклонением от православной церкви, чего почесть, никто из них не желает. Напротив того, все они желают совершенного сближения не с другою какою-либо церковью, как с православною.

Объявляя о сем Вашему Превосходительству, всепокорнейше просим, да будете нашим ходатаем перед высшим правительством в том, да не сочтет оно непринятия ими единоверия закоснелостью в расколе, но да причтет это к нежеланию уклониться с того прямого пути, который ими принят к православной церкви, в которую мы все желаем быть собраны, как в «единое стадо»!..

Эта просьба подписана более чем 100 лицами, имеющими вес и значение в обществе[1]. Некоторые из них – беспоповщинцы и такие, которые до сих пор считались отписными раскольниками; такие, которые, по силе этой просьбы, где просители, говоря про себя в первом лице, называют себя православными, должны будут после этого совершить над собой самый обряд присоединения.

Просьба эта, конечно, неудовлетворительна, неполна и во многих местах носит на себе следы неловких, безграмотных поправок. Я не верю даже искренности и половины подписавшихся лиц, но тем не менее смотрю на эту просьбу, как на новые путы, которыми эти последние себя обессиливают, и вполне убежден, что если не для них самих, то для детей их раскол через это получается решительно невозможным. Многие сами, как я уже сказал, не входя во все тонкие подробности просьбы, почитают ее просто решительным отречением от прежних заблуждений.

Недавно ездил я в Романов-Борисоглебск на несколько часов, и в то время, когда я находился у протоиерея, пришел к нему при мне один мещанин из вновь подписавшихся раскольников, – с объявлением, что у него в доме умер младенец. «Ну что же», – спросил его священник... «Да вот, батюшка, – сказал он, заминаясь, – вот сам подписался, так теперь, чай, вы уж не позволите похоронить по-старому?..». «Если ты подписался, так странно мне, что и спрашиваешь меня об этом», – возразил ему священник. «Да ведь это не я, ба-

Тюшка, – отвечал мещанин, – а ведь у меня, вы знаете, есть старуха-матушка, которая всего этого держится... Ну да теперь делать нечего, благословите могилу!..».

Замечательны также слова одного их подписавшихся раскольников, купца Ивана Ивановича Негвоздкина[2]. Подписавшись, он в тот же день пришел ко всенощной в церковь и при выходе оттуда, вступив в разговор со священником, сказал ему между прочим: «Давно бы так! Давно бы многие из нас присоединились, если б не собственная слабость, да не наши бабы, да, признаться, не ваша потачка!..» – Какая потачка? – спросил священник... «Да, например, хоть эта: ведь мы, за неимением попов, носим крестить младенцев к вам и понимаем хорошо, что священник, окрестивший по своей вере младенца, получает на него некоторое право, – но, признаться, дивились не раз, что православные священники окрестят ребенка, а потом об нем и не справятся и не требуют, чтоб его причащали. Самому нести младенца в церковь для причащения – трудно: жена или тетка не пустят, говоря, что и священник не спрашивает... А зна-

ете ли вы, что ребенок, раза три причащенный, оставляется раскольниками православной церкви, потому что, по мнению их, это и исправить мудрено...»

Мне лично знаком один романово-борисоглебский купец Иосиф Сушин, давно из раскола перешедший к нашей церкви, один из самых усердных, искренних православных; он рассказывал, сколько труда, сколько внутренней борьбы выдержал он с самим собою, когда присоединялся к церкви. Давно убедившись в заблуждениях раскола, он несколько лет мучился нерешительностью, упрекая себя в оставлении учения, в котором находились его родители и предки, и не имея в виду никого, кто бы побуждал его на это оставление.

Нельзя не сознаться, что при той степени, на которой стоит убеждение здешних раскольников, легкое принуждение, без насилия, может быть иногда для них очень полезным, как в некоторых психических болезнях часто бывает спасительною строгость. Между ними есть слабые люди, которые бывают рады толчку, или поводу со стороны правительства, и мудрость последнего должна состоять

в том, чтобы этот толчок, это легкое принуждение именно помогали слабому, но не переходили в насилие, при котором и слабый характер становится упрямым.

Итак, это прошение Романово-Борисоглебского общества, делаясь для него новым обязательством, дает чрез это самое правительству возможность с большим правом и с большею строгостью наблюсти за исполнением всех прежних своих предписаний и принять некоторые меры, как, например, следующие:

1) Высшее духовное правительство должно было бы, кажется, строго потребовать от священников, чтоб они отныне не осмеливались производить соблазн, огласившийся в последнее время, и делать в своих книгах ложные отметки, показывая «бывшими на исповеди и у св. причастия» никогда не бывавших ни у исповеди, ни у св. причастия, или «не бывшими по упущению и по нерачению» – тех, которые уклоняются от этого единственно по явному, упорному расколу.

2) Не мешало бы, по мнению моему, подтвердить священникам, чтоб они непременно

но требовали причащения крещенных ими младенцев.

3) Необходимо, чтоб губернское начальство внимательно наблюдало за исполнением правила, изложенного в примечании к 378 ст. уст. о выб. III тома Св. Зак., изд. 1842 г., в VI прод., по которому служащие по городским выборам дают подписку о непринадлежности к расколу, повергая себя, в случае обмана, наказанию по 208 ст. Уложения. Если они не хотят давать подписку, то могут не служить и остаться при своем расколе; между тем и в Романове-Борисоглебске, и в Рыбинске градские головы не были обязаны этою подпискою, хотя оба тайно принадлежат к расколу.

4) Наконец, полиция обязана, как и всегда, строго надзирать за тем, чтобы нигде не появлялось ни беглых попов, ни проповедников, и не допускать явных раскольничьих сборищ.

Кажется, можно смело поручиться, что ярославские торгаши и промышленники не осудят себя из-за этих мер на добровольное изгнание, не прибегнут ни к какому не только внешнему, но даже внутреннему, нравственному сопротивлению[3].

Между тем, как все это происходило в Романове-Борисоглебске, в Ярославле явился к преосвященному Евгению единоверческий иеромонах Черниговской епархии с книгой, в которой записано было позволение Черниговского епископа Павла о том, «что дозволяется ему собирать подаяние по Черниговской епархии; а в других не иначе, как с разрешения местных архиереев». Ярославский преосвященный дал позволение на сбор подаяний, но вскоре открылось, что иеромонах, вместо сбора, отправляет службы у единоверцев. Как церковными постановлениями строго воспрещается не только иерею, но и епископу служить в чужой епархии без дозволения архиерея той епархии, то преосвященный потребовал назад книгу, с тем чтобы отменить прежнее свое позволение и уведомить о том епископа Павла. Но предварительно пожелал знать мое мнение, для чего и пригласил меня лично с ним повидаться в Ярославле, куда я по этому случаю и ездил на одни сутки. Я принял в соображение следующее: во-первых, то, что появление этого монаха в Романове-Борисоглебске испортило бы

начатое там дело; во-вторых, что иеромонах навлекал на себя подозрение тем, что кроме Черниговского и Калужского архиереев, не имел в книге дозволения ни от кого, до самого Ярославля, хотя не должен был миновать Москву, где также имеется единоверческая церковь, а если и миновал (неизвестно по какой причине), так должен был получить это разрешение от архиереев других епархий, чрез которые проходил; на расспросы об этом частных лиц, он уклонился от ответа, а сам преосвященный не захотел его допрашивать; в-третьих, что носился слух, будто этот иеромонах выписан был оттуда здешними, под предлогом сбора подаяний; в-четвертых, что ярославские единоверцы, если нуждаются в другом священнике, имеют полное право просить о том архиерея законным порядком; в-пятых, наконец, что нет никакой особенной надобности здешнему единоверию, у которого в соседстве есть монастырь в Костромской губернии, заводить связи с отдаленною Черниговскою губерниею, где много злых и упорных раскольников, состоящих даже в сношениях с заграничными. Поэтому я и передал

преосвященному, что, по мнению моему, за нарушением со стороны пришлого иеромонаха такого важного церковного правила, нет никакого препятствия ему, преосвященному, под этим благовидным предлогом, отменить прежнее свое дозволение о сборе подаяния по епархии и тем самым лишить черниговского иеромонаха возможности оставаться долее в Ярославской губернии. Впрочем, что происходило потом, после моего отъезда из Ярославля, мне неизвестно.

Не знаю, прав ли я был, но я счел долгом и об этом обстоятельстве донести Вашему сиятельству.

30 июля 1849 г.

Примечания

Просьба эта в подлиннике, как скоро поступит к начальнику губернии, будет представлена им к Вашему сиятельству.

[^^^]

Впрочем, фамилии его я твердо не упомяну, но имя должно стоять в числе подписавшихся под просьбой.

[^^^]

Когда эта просьба сделается вполне известною, то будет, вероятно, иметь влияние на всю губернию, и молва о присоединении романово-борисоглебских раскольников подействует, без сомнения, на многих.

[^^^]